

**НОВЫЕ ДАННЫЕ О КЕНОТАФАХ
НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОГО АЛТАЯ В СЯНЬБИЙСКОЕ ВРЕМЯ
(по материалам исследований некрополя Карбан-I)**

**Николай Николаевич Серегин¹, Михаил Александрович Демин²,
Сергей Сергеевич Матренин³**

¹*Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;*

²*Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия;*

³*Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия*

Резюме. Статья посвящена введению в научный оборот и интерпретации кенотафов булан-кобинской культуры, раскопанных на некрополе Карбан-I (Чемальский район Республики Алтай). Авторами охарактеризованы общие и особенные признаки курганов №16, 17, 23, 36 (планиграфия, конструкция насыпей, устройство подкурганных сооружений, сопроводительный инвентарь) на основе их сравнения с известными сведениями о других памятниках региона II в. до н.э. — V в. н.э. Предложены два варианта интерпретации публикуемых объектов: они являлись «миниатюрными» кенотафами, предназначенными для взрослых людей и детей, либо символическими захоронениями детей, умерших, например, во время родов или в результате какого-то несчастного случая, когда тело ребенка было утрачено. Выбор одной из этих точек зрения затрудняет отсутствие в курганах информативного инвентаря, а также локализация, не демонстрирующая их преимущественную связь с мужскими, женскими или детскими могилами.

Ключевые слова: Северный Алтай, кенотаф, сяньбийское время, булан-кобинская культура, погребальное сооружение

Благодарности: работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента РФ (проект МД-792.2022.2).

Для цитирования: Серегин Н.Н., Демин М.А., Матренин С.С. Новые данные о кенотафах населения Северного Алтая в сяньбийское время (по материалам исследований некрополя Карбан-I) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2022. Вып. XXVIII. С. 332–340. DOI: 10.14258/2411-1503.2022.28.48

**NEW DATA ABOUT THE CENOTAPHS OF THE POPULATION
OF NORTHERN ALTAI IN THE XIANBEI PERIOD
(based on research materials from the Karban-I necropolis)**

Nikolai N. Seregin¹, Mikhail A. Demin², Sergei S. Matrenin³

¹*Altai State University, Barnaul, Russia;*

²*Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia;*

³*Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Barnaul, Russia*

Abstract. The article presents cenotaphs of the Bulan-Koby culture, excavated at the Karban-I necropolis (Chemalsky district of the Altai Republic). The authors characterize

the general and specific features of kurgans No. 16, 17, 23, 36 (planigraphy, construction of mounds, arrangement of under-kurgan structures, accompanying inventory) based on their comparison with known information about other sites of the region of the 2nd century BC — 5th century AD. Two options for interpreting the published objects are proposed: they were “miniature” cenotaphs intended for adults and children, or symbolic burials of children who died, for example, during childbirth or as a result of some kind of accident when the child’s body was lost. The choice of one of these points of view is made difficult by the absence of informative inventory in the kurgans, as well as by the localization that does not demonstrate their predominant connection with male, female or children’s graves.

Keywords: Northern Altai, cenotaph, Xianbei period, Bulan-Koby culture, burial structure

Acknowledgments: the work was supported by a grant from the President of the Russian Federation (project МД-792.2022.26).

For citation: Seregin N.N., Demin M.A., Matrenin S.S. New Data about the Cenotaphs of the Population of Northern Altai in the Xianbei Period (based on research materials from the Karban-I necropolis) // Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai. 2022. Vol. XXVIII. Pp. 332–340. DOI: 10.14258/2411-1503.2022.28.48

Одним из элементов погребального обряда многих общностей различных хронологических периодов было возведение кенотафов — символических захоронений, не содержащих тела умершего человека. Практика устройства таких объектов обусловлена разными причинами, среди которых наиболее распространенными были вооруженные столкновения, внешняя военная экспансия, массовое переселение на новые территории, несчастные случаи (Тишкин, Дашковский, 2003, с. 269). Кенотафы предназначались преимущественно для пропавшего без вести или погибшего на чужбине человека, а в отдельных случаях они могли выступать своеобразными «мемориалами» в память людей, похороненных далеко от своих родственников.

У населения Алтая последней четверти I тыс. до н.э. — I-й половины I тыс. н.э. кенотафы зафиксированы на всех этапах существования булан-кобинской археологической культуры. Судя по многочисленным результатам раскопок некрополей, данные объекты представлены «классическими» полноразмерными конструкциями, не отличающимися от обычных захоронений, а также «миниатюрными» сооружениями с погребальной камерой, не предназначенной по своим пропорциям для размещения в ней взрослого человека* (Серегин, Матренин, 2016, с. 62–63). Обнаруженный в «пустых» могилах сопроводительный инвентарь свидетельствует о том, что они устраивались обычно для мужчин и намного реже для женщин. Определенную сложность вызывает идентификация детских кенотафов, поскольку нормы погребальной обрядности «булан-кобинцев» для данной категории людей предусматривали в основном захоронение без вещей (Серегин, Матренин, 2020, с. 86–87).

* Высказывалась точка зрения о том, что некоторые такие миниатюрные объекты являлись захоронениями младенцев, останки которых не сохранились (Соенов, Константинов, Трифанова, 2015а–б).

Для формирования более объективного взгляда на специфику кенотафов кочевников Алтая II в. до н.э. — V в. н.э. большое значение имеет сравнительное изучение материалов некрополей, характеризующих разные этапы истории булан-кобинской культуры. В настоящей статье представлен опыт анализа подобных объектов, раскопанных в составе некрополя раннесяньбийского периода (II — 1-я половина III в. н.э.) памятника Карбан-I.

Обозначенный погребально-поминальный комплекс находится в Чемальском районе Республики Алтай, в 1,7 км к северо-западу от с. Куюс, на левобережной террасе Катуня, в 0,4 км к северу от места впадения в нее ручья Карбан. Некрополь попал в зону затопления проектировавшейся Катунской гидроэлектростанции. В 1989–1990-х гг. на его территории были проведены аварийные раскопки археологической экспедицией Барнаульского государственного педагогического института (ныне Алтайский государственный педагогический университет) под руководством М.А. Демина (Контев, 1991; Серегин, Демин, Матренин, 2021а–б и др.). В результате в двух обширных раскопах вскрыты 22 погребальных объекта булан-кобинской культуры, представлявших собой практически не выделявшиеся на современной поверхности каменные сооружения в виде примыкающих и пристроенных друг у другу насыпей овальной формы, выстроенных в широтном направлении. В четырех исследованных курганах костные останки умерших людей отсутствовали.

Курган №16 находился в центральной части раскопа 1 и являлся крайним с запада в ряду, состоявшем из шести курганов. Установлено, что наземное сооружение объекта представляло собой каменную насыпь овальной формы размерами 1,7×1,1 м, вытянутую по линии С–СЗ — Ю–ЮВ, и было пристроено с запада к кургану №15, который содержал захоронение мужчины 35–45 лет*. По контуру насыпи фиксировалась выкладка-крепида из крупных плит и валунов, имевшая форму полукольца, примыкающего к выкладке соседнего (смежного) объекта (Серегин, Демин, Матренин, 2021б, рис. 2–3). Внутри данная конструкция оказалась забутованной галечником, лежавшим в один слой. На глубине 0,1–0,15 м от верхней части наброски был расчищен участок прямоугольной формы, покрытый небольшими плоскими плитками. Ориентировка данной выкладки (размеры ее составляли 1,0×0,5 м) совпадала с направлением длинной оси кургана. Под плитками находился песок стального цвета, не отличимый от материкового. При углублении в него на 0,5 м зафиксированы три плоские горизонтально лежавшие плитки, а еще на 0,1 м ниже — древесный глен мощностью 5–6 см, образовавший два пятна, вытянутые с севера-северо-запада на юг-юго-восток. Каких-либо предметов не обнаружено.

* Здесь и далее определения выполнены к.и.н. С.С. Тур.

Курган №17 находился в западной части раскопа 1. Данный объект примыкал юго-западным краем вплотную к кургану №10, в котором находилось погребение женщины 35–45 лет. Наземное каменное сооружение представляло собой овальную плоскую наброску из галечника в один слой размерами 2,3×1,4 м и высотой до 0,18 м, вытянутую длинной осью по направлению север–северо-запад — юг–юго-восток (рис. 1.-1). Под наброской залегала прослойка темного гумусированного грунта, а ниже нее — коричневатого-серый песок мощностью 0,25–0,3 м, перекрывавший более светлый материк. При углублении в средней части разобранной конструкции в нижней толще коричневатого-серого песка зафиксировано скопление небольших плоских плиток (рис. 1.-2–3), среди которых найден завалившийся набок плоскодонный керамический сосуд без орнамента (рис. 2). Примерно на том же уровне в одном метре от данного скопления обнаружена еще пара плоских плиток. Можно предположить, что они являлись заполнением не прослеживавшейся в плане ямы глубиной 0,3 м от уровня древнего горизонта, без останков человека, над которой было возведено наземное сооружение.

Курган №23 выявлен в восточной части раскопа 2. Данный объект примыкал с юго-запада к кургану №19, в котором было исследовано захоронение ребенка в деревянной колоде (Сергеев, Демин, Матренин, 2021а). Под слоем гумусированного песка зафиксирована овальная каменная однослойная конструкция размерами 2×1,5 м, вытянутая с севера–северо-запада на юг–юго-восток. По ее краю размещались крупные плиты и речные валуны, образующие овальную крепиду (рис. 3.-1). Плиты, составлявшие длинные стороны выкладки, стояли на ребре с резким наклоном внутрь. Центральная часть овала была заложена более мелким галечником, среди которого попадались отдельные обломки плит. После удаления внутренней забутовки на уровне древнего горизонта расчищены горизонтально уложенные плоские плиты от перекрытия (рис. 3.-2). Под ними зафиксирован чистый песок. При углублении в него на 0,2 м встречены еще две плиты, лежавшие горизонтально и, очевидно, фиксировавшие дно ямы (рис. 3.-3). При этом ее контур ни в плане, ни в профиле по матерiku не прослеживался. Вещи в исследованном комплексе отсутствовали.

Курган №36 примыкал с запада к объекту №37, содержащему захоронение мужчины 40–50 лет. Под слоем темного гумусированного песка выявлено наземное сооружение в виде плоской наброски овальной формы размерами 1,7×1,4 м и высотой около 0,15 м, вытянутой по линии С–СЗ — Ю–ЮВ. Наброска состояла из галечных валунов и рваных обломков плит, уложенных в 1–2 слоя. По ее внешнему контуру размещались более крупные камни, образующие выкладку-крепиду (рис. 4.-1). Сразу под наброской залегали каменные плиты перекрытия, занимавшие почти всю внутреннюю площадь выкладки. Под этими плитами

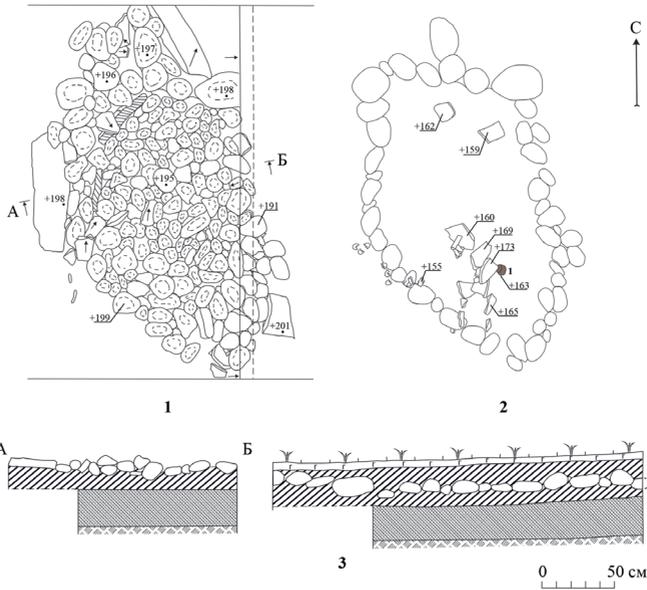

Рис. 1. Карбан-I, курган №17: 1 — план насыпи; 2 — план выкладки-крепиды и конструкций после выборки по дну; 3 — разрезы объекта
 Fig. 1. Karban-I, barrow No. 17: 1 — plan of the earthfill; 2 — plan of layout-crepes and structures after sampling along the bottom; 3 — sections of the object

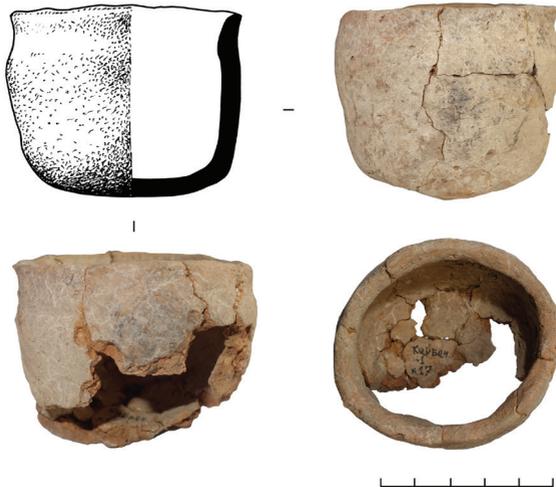
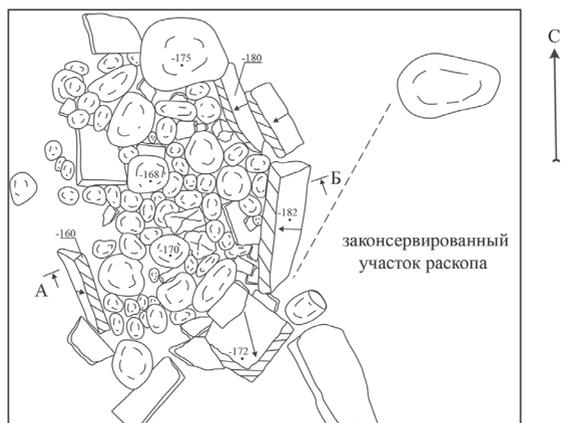

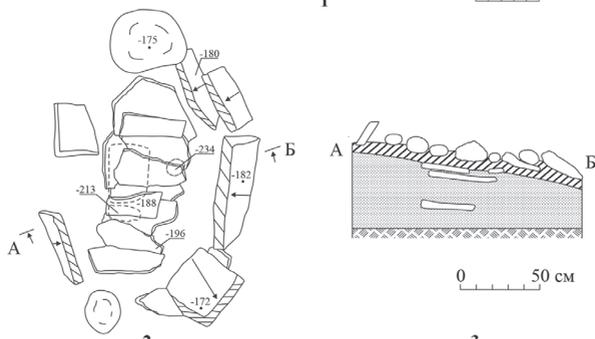
Рис. 2. Карбан-I, курган №17. Керамический сосуд из погребения
 Fig. 2. Karban-I, barrow No. 17. Ceramic vessel from the burial

на глубине 0,1–0,2 м от уровня древней поверхности вдоль продольной оси конструкции был зачищен еще один ряд более мелких плиток, перекрывающих площадку прямоугольной формы размером 0,96×0,4 м, — очевидно, какую-то яму. На глубине 0,15–0,2 м от этого прямоугольного перекрытия под ним обнаружены еще несколько плиток камня, лежавших плашмя, — вероятно, на дне ямы (рис. 4.-2–3). Костей или каких-либо других находок не обнаружено.

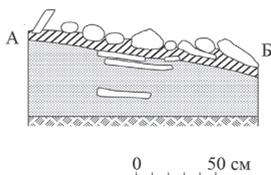
Представленные материалы раскопок позволяют обозначить общие и особенные черты кенотафов рассматриваемой локальной группы «булан-кобинцев».

1

2

3

Рис. 3. Карбан-I, курган №23: 1 — план насыпи; 2 — план крепиды и перекрытия из плит на уровне древнего горизонта и дна; 3 — разрез объекта
 Fig. 3. Karban-I, barrow No. 23: 1 — plan of the earthfill; 2 — plan of the crepe and the ceiling of the slabs at the level of the ancient horizon and bottom; 3 — section of the object

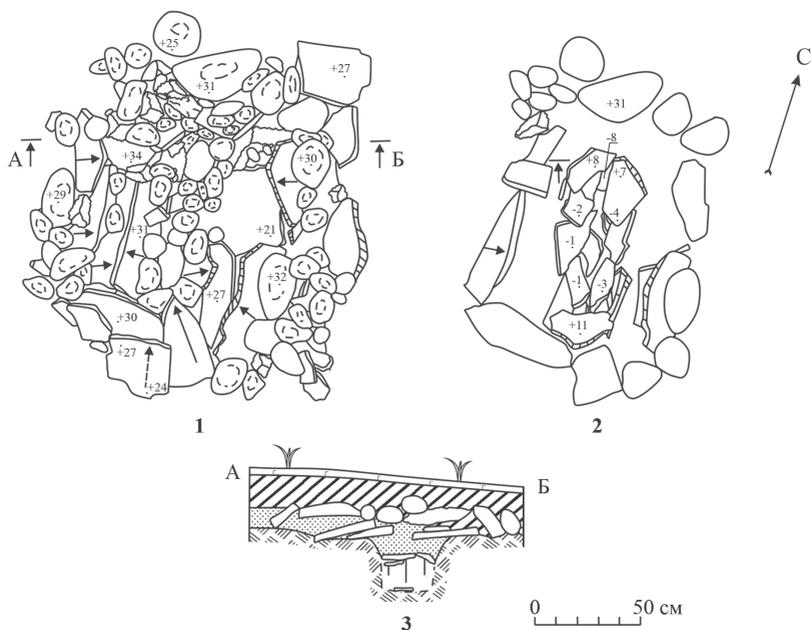

Рис. 4. Карбан-I, курган №36: 1 — план насыпи; 2 — план крепиды и перекрытия из плит на уровне древнего горизонта и дна; 3 — разрез объекта
 Fig. 4. Karban-I, barrow No. 36: 1 — plan of the earthfill; 2 — plan of the crepe and the ceiling of the slabs at the level of the ancient horizon and bottom; 3 — section of the object

Изучение планиграфии показало, что на площади некрополя Карбан-I кенотафы размещались в разных местах. Установлено, что они могли находиться рядом с погребениями взрослых людей разного пола, примыкая к ним вплотную (курганы №17, 36), либо быть пристроенными (курган №16) насыпями. Объект №23 располагался вплотную с могилой ребенка (курган №19).

Важно отметить, что по конструкции наземной части кенотафы были аналогичны полноценным погребальным сооружениям, но отличались от них меньшими размерами (1,7–2,3×1,1–1,5 м), сопоставимыми с исследованными на памятнике курганами, содержащими захоронения детей (Серегин, Демин, Матренин, 2021a).

Под насыпями находились грунтовые ямы, в трех случаях (курганы №16, 23, 36) перекрытые на уровне древнего горизонта поперечными уложенными каменными плитами. Судя по их параметрам, могилы имели длину не более 1 м, а ширину до 0,5 м. На дне этих ям зафиксированы сланцевые плитки. Такой вариант оформления подкурганного пространства в булан-кобинской культуре выявлен впервые. В кургане №17

из-за специфики грунта, образующего погребенную почву и материк, а также в связи с отсутствием внутримогильной конструкции размеры ямы не установлены, хотя ее глубину от уровня древнего горизонта (0,3 м) отчетливо маркировала находка керамического сосуда. Погребальные камеры в виде обычной ямы были широко распространены у населения Северного Алтая в III–IV вв. н.э. (Серегин, Матренин, 2016, с. 38). Следует отметить, что похожий кенотаф с керамическим горшком исследован в Северном Алтае на памятнике Бике-I (курган №13) в составе могильника сяньбийского времени, включавшего захоронения детей и подростков (Кубарев, Киреев, Черемисин, 1990, с. 62–63, рис. 30). Показательно, что ни в одном карбанском кенотафе не зафиксирован каменный ящик, выступавший основным типом погребальной камеры в полноценных курганах.

Обнаруженному в кургане №17 керамическому сосуду (рис. 4), представляющему собой лепную плоскодонную миниатюрную банку (высота 5,6 см, диаметр тулова 6,7 см) с отогнутым наружу венчиком без орнамента, можно обозначить пока единственную наиболее близкую аналогию из детского захоронения позднесяньбийского периода (2-я половина III — 1-я половина IV в. н.э.) памятника Степушка (Центральный Алтай) (Тишкин, Матренин, Шмидт, 2018, табл. 42.-2). В хронологическом отношении данные изделия не показательны.

Осуществленный анализ материалов позволяет предложить два варианта интерпретации погребальных объектов №16, 17, 23, 36, раскопанных на некрополе Карбан-I. В соответствии с одной из версий они являлись «миниатюрными» кенотафами, возведенными для взрослых людей и детей. С другой стороны, подобные объекты можно рассматривать в качестве символических захоронений детей, умерших, например, во время родов или в результате какого-то несчастного случая, когда тело ребенка было утрачено. Выбор одной из этих точек зрения затрудняет отсутствие в курганах информативного сопроводительного инвентаря, а также локализация, не демонстрирующая их преимущественную связь с мужскими, женскими и детскими могилами.

В целом представленные характеристики кенотафов отражают определенную специфику обрядовой практики «булан-кобинцев», оставивших могильник Карбан-I, в сравнении с другими известными группами населения Северного Алтая последней четверти I тыс. до н.э. — 1-й половины I тыс. н.э. Публикуемые материалы расширяют круг источников для изучения духовной культуры скотоводов региона в раннесяньбийский период.

Список источников

Контев А.В. Раскопки позднегуннских погребений урочища Карбан (Горный Алтай) // Проблемы археологии и этнографии Сибири и Дальнего Востока. Красноярск, 1991. Т. 2. С. 54–55.

Кубарев В.Д., Киреев С.М., Черемисин Д.В. Курганы урочища Бике // Археологические исследования на Катунь. Новосибирск, 1990. С. 43–95.

Серегин Н.Н., Демин М.А., Матренин С.С. Общие и особенные характеристики детской погребальной обрядности населения Северного Алтая сянбийского времени (по материалам комплекса Карбан-1) // Народы и религии Евразии. 2021а. №4. С. 32–45.

Серегин Н.Н., Демин М.А., Матренин С.С. Объекты сянбийского времени комплекса Карбан-1 (Северный Алтай) // Народы и религии Евразии. 2021б. №2. С. 81–91.

Серегин Н.Н., Матренин С.С. Погребальный обряд кочевников Алтая во II в. до н.э. — XI в. н.э. Барнаул, 2016. 272 с.

Серегин Н.Н., Матренин С.С. Социальная история населения Алтая в эпоху кочевых империй (II в. до н.э. — XIV в. н.э.): по материалам археологических комплексов. Барнаул, 2020. 268 с.

Соенов В.И., Константинов Н.А., Трифанова С.В. Детские погребения могильника Степушка-2 // Известия лаборатории древних технологий. Иркутск, 2015а. Вып. 3 (16). С. 9–27.

Соенов В.И., Константинов Н.А., Трифанова С.В. Кенотафы могильника Степушка-2 // Археология Западной Сибири и Алтая: опыт междисциплинарных исследований. Барнаул, 2015б. С. 345–351.

Тишкин А.А., Дашковский П.К. Социальная структура и система мировоззрений населения Алтая скифской эпохи. Барнаул, 2003. 430 с.

Тишкин А.А., Матренин С.С., Шмидт А.В. Алтай в сянбийско-жужанское время (по материалам памятника Степушка). Барнаул, 2018. 368 с.

Информация об авторах / Information about the Authors

Николай Николаевич Серегин, Алтайский государственный университет, кафедра археологии, этнографии и музеологии, доцент; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61, доктор исторических наук, <https://orcid.org/0000-0002-8051-7127>, nikolay-seregin@mail.ru

Nikolai N. Seregin, Altai State University, Department of Archaeology, Ethnography and Museology, Associated Professor; 656049, Barnaul, Russia, Lenin Ave. 61; Doctor of History, <https://orcid.org/0000-0002-8051-7127>, nikolay-seregin@mail.ru

Михаил Александрович Демин, Алтайский государственный педагогический университет, кафедра отечественной истории, профессор; 656031, Россия, г. Барнаул, ул. Молодежная, 55, доктор исторических наук, профессор, <https://orcid.org/0000-0003-0954-9297>, mademin52@mail.ru

Mikhail A. Demin, Altai State Pedagogical University, Department of Russian History, Professor; 656031, Barnaul, Russia, Molodezhnaya St. 55; Doctor of History, Professor, <https://orcid.org/0000-0003-0954-9297>, mademin52@mail.ru

Сергей Сергеевич Матренин, Барнаульский юридический институт МВД России, кафедра истории и философии, доцент; 656038, Россия, г. Барнаул, ул. Чкалова, 49, кандидат исторических наук, <https://orcid.org/0000-0001-7752-2470>, matrenins@mail.ru

Sergei S. Matrenin, Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Department of History and Philosophy, Associated Professor; 656038, Barnaul, Russia, Chkalova St. 49; Candidate of History, <https://orcid.org/0000-0001-7752-2470>, matrenins@mail.ru